

**Габриэль Феликсович
Шершеневич,**

(1 января 1863 г.,

Херсонская губерния, —

31 августа 1912 г.,

Москва), русский юрист,

цивилист, профессор

Казанского и Московского

университетов, депутат

I Государственной думы

Г. Ф. Шершеневич

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. ФРАНЦИЯ¹

<...> Переворот 18 брюмера, несмотря на сложность последовавшей конституции, передал власть Наполеону Бонапарту, первому консулу, который считал делом личной чести дать Франции давно желанный кодекс. Обнародовывая 19 брюмера об учреждении консулата, Наполеон не преминул указать на составление кодекса как на одну из ближайших задач своих.

Наконец, 12 августа 1800 г. была назначена комиссия для составления Гражданского кодекса. Она состояла из следующих лиц: председателя кассационного суда Тронше, комиссара при призовом суде Порталиса, генерального прокурора при кассационном суде Биго-Преамено и члена этого суда Мальвиля, который должен был исполнять при комиссии обязанность секретаря-редактора. В комиссии наиболее выдающееся положение заняли Тронше и Порталис, два человека с различным характером и неодинаковым направлением. Порталис, уроженец юга, горячий, увлекающийся, был человек с большим философским образованием. Его симпатии лежали преимущественно на стороне римского права. Напротив, обычное право имело своего защитника в лице Тронше, спокойного темпераментом, тонкого диалектика и глубокого знатока кутюмов, Биго-Преамено и Мальвиль были довольно обыкновенные практики, притом с нерешительным умом, в постоянном колебании между принципами старого порядка и новыми началами. Не последнюю роль в изготовлении проекта играл и сам Наполеон, который принимал участие в обсуждении некоторых вопросов, особенно семейного права. Недостаток юридической подготовки он заменял здравым смыслом, который, однако, нередко заводил его в область приобретенных воспитанием предрассудков.

Комиссия, которой Наполеон сообщил о своем желании видеть Гражданский кодекс как можно скорее готовым, распределила между своими членами проект Кодекса по частям и закончила свою работу с невероятною быстротою. Весь проект был готов через четыре месяца. Он тотчас же был разослан всем судам, которые почти единогласно высказались с большою похвалою по его адресу.

Проекту предстояло пройти законодательный путь, и в устройстве этого пути крылась для него наибольшая опасность.

По сложной конституции VIII года, изобретенной Сийесом, предложение закона исходило от правительства, т.е. от консулов. Проект препровождался в

¹ Отрывок из работы «Революционный период» (Шершеневич Г. Ф. Очерки по истории кодификации гражданского права : в 3 т. Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1897–1899. Т. 1 : Франция. 61 с.).

Государственный совет, на котором лежала обязанность окончательной редакции. Из Государственного совета проект шел в законодательный корпус (*corps législatif*), в котором три члена Государственного совета, назначенные правительством, должны были поддерживать проект. Прежде чем приступить к обсуждению, законодательный корпус препровождал проект в Трибунат, состоявший из 100 человек, избранных Сенатом. Трибунат назначал одного члена докладчиком, который должен был изучить проект и представить дело собранию. Затем проект подлежал обсуждению членами Трибуната, причем никаких дополнений или изменений не допускалось: проект должен был быть принят целиком или также отвергнут. Принятый в Трибунате проект переходил в законодательный корпус, причем здесь происходил диспут между тремя уполномоченными от правительства и тремя членами Трибуната, избираемыми последним для этой цели. Законодательный корпус не принимал участия в прениях, а только по выслушании состязания сторон решал голосованием судьбу проекта.

Проект Гражданского кодекса встретил препятствия в Трибунате, которому не понравились первые разделы. Горячий спор возник между представителями правительства и членами Трибуната, между которыми особенную оппозицию проявили Бенжамен Констан, Андриё, Шенье, Шазаль и др. Интересен весьма спор между Порталисом и Берсье, который упрекал проект в пристрастии к римскому праву. Дело приняло такой оборот, что не осталось надежды на успех проекта. Не следует, однако, думать, будто Трибунат в принципе желал тормозить дело издания Гражданского кодекса. Напротив, в нем обнаружилось понимание важности предстоящей задачи. Еще до представления проекта трибун Андриё, заключивший из слов правительства, будто дело издания кодекса отложено на неопределенное время, высказался следующим образом: «Правительство имело смелость заявить нам, что нужно отказаться от мысли все законы собрать в один том под именем Гражданского кодекса, что учредительное и законодательное собрания не имели в том успеха, что нельзя одним махом изменить законы народа, которые существуют уже много веков и представляют собою большое разнообразие. Как! Такие речи в 1800 г.? Нам хладнокровно говорят, что кодекса нельзя составить. Но народное желание таково, чтобы он был, и никогда еще воля общая не была так ясно, настойчиво и единогласно высказываема! Да знаете ли вы, что во Франции до сих пор применяют 384 кутюма, не считая еще дигесты и кодекс, ордонансы, эдикты и декларации наших королей и все законы, изданные в течение революционного периода. Знаете ли вы, что кассационный суд обязан изучать и толковать в своих решениях тысячу тысяч разных норм. Надо быть членом этого суда, чтобы понять, в каком хаотическом состоянии находится дело правосудия; только тогда можно уяснить себе, насколько необходим Гражданский кодекс».

Следовательно, в Трибунате не было недостатка в понимании важности задачи, не было и желания во что бы то ни стало останавливать предложение первого консула. Оппозиция Трибуната объясняется тою странною ролью, которая предоставлена была ему конституцией. Сочувствуя проекту в целом, многие члены Трибуната не могли согласиться с содержанием или редакцией некоторых статей, а между тем Конституция позволяла им только принять весь проект или весь отвергнуть.

Но Наполеон нелегко смущался неудачей. Предвидя неуспех проекта, он решил сам взять его назад. «Законодатели, — говорится в обращении консулов к законодательному корпусу, — правительство постановило взять назад проект Гражданского кодекса. С чувством прискорбия принуждено оно отложить до более благоприятного времени издание законов, так нетерпеливо ожидаемых народом; но оно убедилось, что не настало еще время приступить к обсуждению столь важных вопросов со спокойствием и доброжелательностью, каких они требуют». Наполеон видел в оппозиции Трибуната враждебное отношение к нему лично, а потому решил устранить наиболее несимпатичные ему элементы. По его предложению Сенат сократил число членов Трибуната до 50, что дало Наполеону возможность исключить из его состава лиц, которые наиболее восставали против отдельных статей предложенного Кодекса.

Когда оппозиция была сломлена, проект Гражданского кодекса был снова внесен в законодательный корпус, причем опять-таки не одновременно весь, а последовательно, по разделам. В течение 1802 и 1803 гг. прошли в законодательном порядке все 36 разделов, приобретая постепенно силу закона. Наконец 21 марта 1804 г. они были изданы вместе с непрерывною нумерацией под именем *Code civil des français*. Второе официальное издание почти без изменений последовало в 1807 г., когда Кодексу было присвоено название *Code Napoléon*. Надо отдать справедливость Наполеону, что появлением своим на свет Гражданский кодекс много обязан энергии этого воина, который сознавал великое значение принятой им законодательной работы. Обозревая свою прошлую деятельность во время пребывания на о. Св. Елены, Наполеон говорил: «Моя слава держится не сорока выигранными сражениями, потому что Ватерлоо изгладил впечатление стольких побед. Но то, что никогда не изгладится из памяти потомства, что будет вечно жить, — это мой Гражданский кодекс». Третье и последнее официальное издание относится к 1816 г., когда наступила реакция, и протест против идей революционного периода должен был отразиться на содержании Кодекса: так, например, уничтожен был развод, восстановленный снова только в 1884 г. Уже в 1814 г. Людовик XVIII изменил название *Code Napoléon* в пользу первого названия *Code civil*. Племянник Наполеона I — Наполеон III, «отдавая должное исторической истине», восстановил в 1852 г. название *Code Napoléon*, которое остается до сих пор за Французским гражданским кодексом.

Заметим, что *Code civil* не является единичным законодательным актом наполеоновского периода. Это только одна, и, конечно, наиболее важная, законодательная работа среди целого ряда других. В 1806 г. издан был Устав гражданского судопроизводства. С 1 января 1808 г. вступает в силу Торговый кодекс. В 1809 г. издан Устав уголовного судопроизводства, а в 1810 г. — Уголовное уложение. Таким образом, мы имеем перед собою целый реформаторский период, захвативший все стороны правового быта. От внешней истории Кодекса Наполеона обратимся к его содержанию. Рассмотрим материал, из которого он составлен, его отношение к предшествующему праву, систему, характер и влияние Кодекса.

Источниками, из которых черпала комиссия необходимый для ее задачи материал, служили: 1) обычное право, 2) римское право, 3) королевские ордонансы, 4) законы революционного периода и 5) научная литература.

Создать Кодекс совершенно независимо от всего предшествующего права так же нелегко, как невозможно человеку совершенно оторваться от понятий и идей своего времени. И, конечно, члены комиссии по составлению Гражданского уложения отлично сознавали, что первую их задачу является приведение к единству и к ясности того материала прежнего права, который не противоречит новым условиям жизни и новым воззрениям.

Поэтому первым источником должны были явиться кутюмы, эти следы германского права, видоизмененные на новой почве и при новых общественных условиях. Однако этот источник должен был представлять большое затруднение для комиссии. Многочисленность кутюмов и разнообразие их содержания усложнялись еще тем обстоятельством, что ко времени составления Кодекса по заявлению знатока обычного права Дюпора, которое он высказал в комиссии по введению суда присяжных в гражданские дела, 3/4 содержания кутюмов должны были считаться отмененными силою королевских ордонансов и революционных законов.

Трудно теперь восстановить, каким образом члены комиссии устраняли противоречия между отдельными кутюмами. Известно только, что основным источником обычного права послужили для комиссии кутюмы города Парижа, как наиболее близко знакомые составителям. Поэтому некоторое насилие над кутюмами отдаленных местностей, несомненно, должно было иметь место. Вследствие того остается открытым вопрос, насколько нормы Кодекса, основанные на обычном праве, воспроизводят то старое право, которым определялась жизнь населения всей Франции. Для большинства населения обычаи города Парижа были новым правом. Обычное право послужило источником для определения в Кодексе системы имущественных отношений между супругами на основании общности имущества, власти супружеской и родительской, значительной части наследственного права.

Ввиду того практического значения, какое имело римское право для всей южной Франции, и того влияния, которое оно оказало на образование вообще всех французских юристов, ввиду его единства и ясности сравнительно с обычным правом можно было ожидать, что этот источник будет играть важную роль при составлении Кодекса. Действительно, важнейшие вопросы гражданского права, собственность и обязательства, разрешены были главным образом на основании римского права, а наследственное право Кодекса представляет собою неудачную попытку согласования римских принципов с обычными. Римским же правом определяется и детальная система имущественных отношений между супругами.

Королевские ордонансы, которые распространяли свое действие на всю Францию, предлагали в готовом виде необходимый материал для Кодекса. Комиссия почти целиком воспроизвела ордонансы XVIII в. по дарению (1731) и завещанию (1735), по субституциям (1747), по ведению актов гражданского состояния (1667).

В период времени между началом революции и учреждением Директории был издан целый ряд новых законов, в корне расшатавших весь прежний гражданско-правовой порядок. Правда, под влиянием последовавшей реакции, охлаждения к нововведениям многие из этих законов или были отменены, или изменены в пользу старого порядка. Все же осталось много нового, с чем должны были считаться составители Кодекса. Особенно много новизны пришлось принять в

брачное право. Отрицательным путем повлияли новые законы на собственность, освободив ее от средневековых наростов.

Немалым пособием для комиссии послужила и научная литература. Особенно Дома (1625—1696) и Потье (1699—1772), на сочинениях которых воспитывалось поколение юристов конца XVIII в., послужили источником, из которого законодатели заимствовали немало положений в готовой форме. Можно сказать, что общая часть обязательственного права в Кодексе представляет собою сплошное заимствование из сочинений Потье. Поэтому французские юристы для объяснения смысла законов по данному отделу обращаются прямо к сочинениям Потье как к законодательным мотивам. Так, например, понятие о *contrat* и отличие его от *convention*, различие составных частей сделки (договора), влияние заблуждения на силу сделки (договора) и много других положений взяты в формулировке Потье. Статью 1122, например, о договорах в пользу третьих лиц толкуют на основании соответствующих мест в сочинении Потье «*Traité des obligations*».

Цель, которая имела в виду при создании Кодекса, предreshает вопрос об отношении его к предшествующему праву. Если бы рядом с Кодексом сохранена была сила за всеми прежними источниками, как это предлагал Камбасерес в Государственном совете, то издание Кодекса не только не облегчило бы, но еще более усложнило бы задачу судебной практики и возможность ознакомления с действующим правом. Поэтому Закон 21 марта 1804 г. постановляет: со времени вступления в действие Кодекса римское право, ордонансы, общие и местные обычаи, статуты, регламенты теряют свою силу по предметам, предусмотренным Кодексом. Значит, по вопросам, совершенно непредусмотренным, как, например, отношения по *эмфитевзису* и *суперфициесу*, остаются в силе прежние нормы. Если же вопрос Кодексом затронут, хотя и неполно, то только Кодекс может иметь применение, но не старое право. Интересно еще то, что среди норм, отмененных вступлением в действие Кодекса, закон не указывает на законы революционного периода. Отсюда выводят заключение, что они отменены лишь настолько, насколько их содержание противоречит постановлениям Кодекса.

Содержание и система Кодекса, состоящего из 2281 статьи, следующие.

Кодекс делится на книги (*livres*), книги на разделы (*titres*), разделы на главы (*chapitres*), главы на отделения (*section*), отделения на статьи (*articles*), статьи на части (*alinéas*). <...>

Этот общий обзор содержания Кодекса Наполеона обнаруживает систему, в которой изложены частноправовые институты. Система эта римская, или институционная, принимающая три основных момента классификации: *personae*, *res* и *actiones*. Первая книга Кодекса соответствует первому элементу и носит название *des personnes*. Вторая и третья книги отвечают второму элементу. Для третьего же элемента отведено особое место — в *Code de la procédure civile*. В нашу задачу не входит научная критика этой системы, но нельзя признать ее удачной и с точки зрения кодификационных целей. Причисление, например, обязательств к способам приобретения права собственности создало во французской практике немало затруднений. Разрыв личного и семейного права также едва ли может быть причислен к кодификационным удобствам.

Оставляя в стороне вопрос о неудачно выбранной системе, мы должны указать и на некоторые другие оплошности в распределении материала. Так, например,

нельзя признать правильным сопоставление в кн. III разд. X двух таких договоров, как ссуда и заем, которые имеют весьма мало общего между собою. Статья 75 должна бы быть в кн. разд. V, гл. II. Некоторые рубрики совершенно излишни и играют только роль фальшивых окон, например, гл. VII разд. V, кн. I. К недостаткам Кодекса с внешней стороны следует отнести включение в его состав многих норм формального права, например § 16, 112—114, 116—118, 234, 353—360 и много других.

Гражданский кодекс Наполеона не охватывает всего материала частного права, который распределился между Code civil и Code de commerce. Причина обособления части гражданского права в особую систему чисто историческая. Мы уже видели, что в царствование Людовика XIV появился Торговый устав, который единством своего материала резко отличался от разнообразного содержания многочисленных кутюмов. Крайнее разнообразие гражданского права заставило объединить и соединить в одно нормы, имеющие ближайшее отношение к торговле. Этого требовали настойчиво интересы торговли, а известно, как близки были эти интересы французскому правительству, которое от развития торговли могло рассчитывать на увеличение своих доходов. К этому раздвоению с течением времени привыкли, Уставы торговый 1667 г. и морской 1673 г. продолжали удовлетворять требованиям судебной практики, и, наконец, задача кодификации гражданского права была настолько сложна при отведенном ему материале, что в революционный период не возникало и мысли о слиянии всего материала в один кодекс.

Дело изготовления Code de commerce, который в общем является повторением ордонансов, подвигалось поэтому весьма медленно, и только скандальные банкротства и энергия Наполеона вызвали в 1807 г. на свет этот второй Кодекс гражданского права. Торговый кодекс, вступивший в силу 1 января 1808 г., хотя и обнародованный много ранее по частям, состоит из четырех книг. Первая книга — о торговле вообще — состоит из восьми разделов: о торгующих, о купеческих книгах, о товариществах, о разделе имущества, о торговых биржах, биржевых агентах и маклерах, о комиссионерах, о купле и продаже, о векселе переводном и простом и о давности. Книга вторая посвящена морскому праву и состоит из 14 разделов. В пяти разделах излагает третья книга правила о несостоятельности и банкротстве. Наконец, четвертая книга относится к формальному праву, а именно к коммерческому судоустройству и судопроизводству.

Обращаясь к оценке Кодекса Наполеона, мы должны стать на точку зрения исторического момента, в который он появился и распространялся. С современной точки зрения мы, конечно, найдем много недочетов, но при этом мы упустили бы состояние науки и европейского гражданского законодательства в начале нынешнего столетия. Наши понятия значительно изменились под влиянием того богатого развития теоретической юриспруденции, какое обнаружилось в течение нынешнего столетия особенно в Германии.

В последнее время стала все более распространяться мысль о непосредственной связи революционных реформ с тенденциями предшествовавшего абсолютизма. Под влиянием этого направления стали отрицать реформаторский характер Кодекса Наполеона. Так, по мнению Виоле, если оставить в стороне чисто феодальные основы, то вся совокупность старого французского права, за

некоторыми видоизменениями, перешла в содержание действующего Гражданского кодекса. Но дело-то в том, что нельзя не обратить внимания на устранение феодальных порядков. Надо стать на точку зрения предшествующего права, проникнутого насквозь феодальными принципами, чтобы понять все значение Кодекса, совершенно вычеркнувшего остатки и воспоминания феодального режима. Напротив, Гражданский кодекс явился полным выразителем идей революционной эпохи, несмотря на императорское управление.

Наполеон, которому удалось ввести в область политической жизни прежний абсолютизм, был в гражданской области сам революционером и, конечно, не помышлял о восстановлении католико-феодального строя. Цель революции состояла в установлении нового гражданско-правового порядка, а политические реформы были только средством их достижения. Французский народ потому так легко отказался от политической свободы, что новый режим обеспечивал ему изменения гражданского строя. Из трех принципов, провозглашенных Французской революцией, один принцип чисто нравственный (*fraternité*), один чисто юридический (*égalité*) и один смешанного характера (*liberté*). Из них только второй достиг полного торжества, потому что именно в нем заключался весь смысл революции. Сокрушить социальный феодализм, уничтожить привилегии отдельных сословий в ущерб другим — этого добивался и достиг революционный порыв.

Равенство всех перед законом — такова основная идея Гражданского кодекса Наполеона, проникающая все его положения. В этом принципе историческое значение Кодекса и объяснение причин его необыкновенного распространения. При этом принципе, который представляет сам по себе полное отрицание всего феодализма, меркнут некоторые другие принципы, положенные в основу Кодекса. Таков принцип отделения гражданского законодательства от канонического, таков принцип неприкосновенности частной собственности, таково начало индивидуализма, соответствующее тенденциям выступившей вперед буржуазии. Вообще дух всего Кодекса, выражающийся в полном равенстве всех лиц перед законом, в полной свободе договоров и неприкосновенности частной собственности, как нельзя более соответствовал происшедшему в жизни превращению натурального хозяйства в чисто меновое, торжеству капиталистического строя над ослабевшим католико-феодальным порядком.

Историческая оценка Кодекса должна стоять на первом плане. Далее открывается место для оценки технической. Недостатки при формулировке отдельных статей объясняются и оправдываются в значительной степени поразительной быстротою, с которою была выполнена комиссией возложенная на нее задача. Французская юриспруденция в течение всего столетия открыла немало технических промахов. К числу этих недостатков следует отнести стремление законодателя дать самые подробные толкования частной воле, выразившейся в договоре или завещании, чем чрезвычайно стеснен суд при толковании, а объем Кодекса излишне увеличен. Тем не менее приходится поражаться умением составителей Кодекса выражать положения в ясной и в то же время сжатой форме: предложения кратки, слог легок, статьи большею частью не превышают нескольких строк.

Значение Гражданского и Торгового кодексов не ограничилось пределами французской территории. Они стали европейскими событиями, и распространение французского законодательства, обусловленное частью его внутренними

достоинствами, частью стечением внешних условий, представляет собою редкое в истории права явление. Не только родственные романские народы, но и государства, население которых сильно отличалось от французского, приняли это новое законодательство. Забыты были исторические особенности развития каждого народа, в частности непригодность права, выработанного одним народом в течение его исторической жизни, для других народов, имеющих иную историческую судьбу.

Внешние условия благоприятствовали распространению французского законодательства. XVIII в. подготовил почву, сделав французские идеи и язык общенародными. Литература и философия французов этого времени не были только французскими, а мировыми, и совершенно отодвинули национальные литературы и язык местных государств. Можно было не знать отечественной литературы, но только не французской, можно было плохо знать свой язык, но только не французский. В 1783 г. берлинская Академия наук ставит вопрос: «Почему французский язык стал всемирным» и дает премию автору, который взялся доказать, что французский язык, благодаря своим качествам, перестал быть языком одного народа, а стал языком всего образованного человечества. Распространение французских идей в Европе в течение XVIII в. придало Французской революции мировое значение. Все народы считали себя причастными этому делу и готовыми воспринять ее результаты. Идеи нового порядка как иерихонские трубы открывали ворота французским республиканским войскам. Народы видели в них освободителей от тяготевшего над всеми феодального режима, отказывались от сопротивления и принимали вместе с войсками все приходящее из Франции. Все, имевшее французский отпечаток, было мило народам Европы по ассоциации с освободительными идеями, которые французы всюду разносили.

Понятно, такое настроение должно было отразиться и на восприятии французского законодательства. Вскоре, однако, дело приняло несколько иной оборот. Французское правительство перестало справляться с желаниями народа и силою победителя навязывало им свои учреждения. Освободительные принципы стали переходить в завоевательные, монархия, сначала в лице первого консула, а потом императора, сменила республику. Симпатии народов, оскорбленных в своих лучших национальных чувствах, отвернулись от французов как политической силы. Зато правительства этих народов, ненавидевшие сначала французские идеи, стали приспосабливаться к новому порядку, который обеспечивал за ними их интересы, стали заискивать у французского императора и воспринимать французские учреждения, чтобы склонить на свою сторону симпатию этого могущественного человека. А в руках этих правительств сосредоточивалась вся законодательная власть. Итак, сначала симпатии народов при ненависти правительств, а потом заискивания правительств при негодовании или в лучшем случае при молчаливом недоброжелательстве народа подготовили почву для перенесения французского законодательства на почву других государств Европы.

Так как Франция в постоянном росте своей территории обняла наконец, кроме самой Франции, Бельгию, Голландию, весь левый берег Рейна от Везеля до Базеля, полосу Северной Германии до Балтийского моря, часть Швейцарии, Пьемонт, Тоскану и Папскую область, то Французский гражданский кодекс получил силу положительного законодательства во всех этих странах, а кроме того,

в Неаполе, в большинстве мелких княжеств Германии, в Данциге, в Великом герцогстве Варшавском. Вслед за Гражданским и Торговым кодексом. Благодаря последнему обстоятельству во многих весьма странах образовался тот дуализм частного права, который имел свое историческое объяснение во Франции, но не имел вовсе достаточной почвы в других странах.

Только подражательности и всему складу политических отношений начала нынешнего столетия обязано своим существованием то раздвоение частного права, которое, к сожалению, составляет черту гражданского законодательства почти всех современных государств. Если после падения наполеоновского режима наступила реакция против французского влияния вообще и французского законодательства в частности, то объяснение этому явлению кроется опять-таки в политических условиях времени. Не потому некоторые государства отказались от наполеоновского Кодекса, что он противоречил духу исторически сложившегося права, а потому, что он напоминал национальное унижение. Сохранили же другие государства этот Кодекс и продолжают придерживаться его до сих пор. Между старым польским правом и Кодексом Наполеона нет ничего общего, но в течение всего XIX в. население Царства Польского не чувствовало никаких затруднений в применении чужеземного Кодекса и, напротив, прекрасно к нему приспособилось. То же самое можно сказать и о прирейнских княжествах Германии. Если французское законодательство перестало действовать во многих странах в первоначальном виде, зато принципы его легли в основание весьма многих кодексов новейшей формации, как итальянского, испанского, саксонского.

Можно сказать, что в течение XIX в. французское право господствует во всей Европе и законодательства всех государств должны были считаться с постановлениями и принципами французского Кодекса. Но целое столетие — большой промежуток времени для периода быстро сменяющихся событий. Сами французы сознают, что законодательства, воспринявшие все лучшее из наполеоновского Кодекса, начинают опережать французское право нововведениями и можно опасаться, что к XX в. французские кодексы, послужившие образцом, окажутся наиболее отставшими. В течение XIX в. социальные условия значительно изменились и дух наполеоновского Кодекса начинает приходить в несоответствие с вновь поставленными вопросами. Но именно это обстоятельство заставляет французов держаться крепко за свой кодекс и не допускать радикального пересмотра. «В то время как прорываются на свет учения, грозящие разрушением всему социальному (существующему?) строю, и находят себе сторонников, когда предлагают заменить законный брак свободным сожителем, когда на собственность делаются нападения во имя социального равенства, забывая, что неравенство составляет один из основных законов природы, когда попирают доверие, которое свойственно договорам, когда некоторые судьи, избранные равными и предназначенные внести мир между капиталом и трудом, унижают и извращают свои обязанности до того, что заранее обещают признавать правыми рабочих, а виновными предпринимателей, — было бы опасно открывать простор для обсуждения широких социальных задач, разрешенных уже нашим Кодексом».